

**В. Ю. Даренский**

ЛУТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,  
ЛУТАНСК, РОССИЯ

# Историософские размышления Леонида Бородина в автобиографическом повествовании «Без выбора»

**Аннотация.** В статье рассматриваются историософские идеи Л. И. Бородина в его автобиографическом повествовании «Без выбора». Показано, что постижение смыслов русской и мировой истории у Бородина было не абстрактной мыслью, а экзистенциальным усилием. Его историософская мысль была выстрадана личными духовными поисками, приходом к православию и поэтому продолжила традицию великих русских философов, став конгениальной им и взошедшей до их уровня. Духовная логика истории, для своего понимания требующая духовной и философской культуры, была открыта Леонидом Бородиным благодаря восстановлению связи с русской философией Серебряного века. Катастрофическое в XX веке падение большей части народа в «бездну сатанинскую» объясняется именно тем, что в основе его лежит вовсе не наивная вера в «светлое будущее», но именно религиозные обман и соблазн. Это одержимость гордыни, которая хочет «переделать мир» под себя. Показаны внутренние, духовно-экзистенциальные основания философского осмысления истории Бородиным: 1) это мышление одновременно и свободное, ищущее — и строгое и героическое; 2) в основе его лежат не рациональные конструкции ума (они уже создаются потом,

как результат) — но высшее духовное постижение истины, всегда связанное с мистическим проникновением в «плоть» истории. Бородину пришлось противостоять «диссидентам»-русофобам — даже принципиальнее, чем самому советскому режиму, поскольку они были врагами советского режима вовсе не по причине любви к России, а, наоборот, по причине ненависти именно к ней, а не к «режиму». У Л. И. Бородина, как у К. Н. Леонтьева, историческое мышление было основано не на заранее заданных схемах, но в первую очередь на эстетическом, полнокровном проникновении в этот смысл, «пропуская его через себя», переживании его внутренне как личной трагедии и личной судьбы, через которую стала понятна и судьба народа в XX веке, и христианский смысл русской истории в целом.

**Ключевые слова:** Л. И. Бородин, «Без выбора», историософия, Россия, православие, XX век

**Для цитирования:** Даренский В. Ю. Историософские размышления Леонида Бородина в автобиографическом повествовании «Без выбора» // Ортодоксия. — 2023. — № 1. — С. 32–57. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-32-57

Даром великой милости  
Знаем восторг горения!  
В радости не обманется  
Выбравший трудный путь!

Если ж за скобки вынести  
Всё, что у нас от времени,  
В скобках тогда останется  
Главная наша суть!

Л. Бородин

Леонид Иванович Бородин (1938–2011) известен и как писатель, чьи повести входили в школьную программу, и как главный редактор журнала «Москва» с 1992 года, сделавший его за почти два десятилетия под своим руководством флагманом православно-патриотической литературы в России. Как нестигаемый исповедник православной России Л. И. Бородин провёл в лагерях 11 лет: в 1967–1973 (как член подпольного

Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа — ВСХСОН) и 1982–1987 годах (за публикации на Западе). Православная вера Бородин была самостоятельно обретенной, глубоко выстраданной всей жизнью и оплаченной долгими годами лагерных мытарств. Он писал об этом так:

Узел бессмыслиц умом не расплести.  
В тайне бессмыслицы мысль не убита.  
Верую, Господи, в то, что Ты есть!  
Верю в святую запутанность быта...

Робостью шага заслужена месть —  
Высушат душу тоской изуверы!  
Верую, Господи, в то, что Ты есть!  
Как бы я, Господи, выжил без веры!

Топчут и топчут, и камнями вслед...  
Памятник Зверю из этих камней!  
Господи! Сколько растоптанных лет!  
Господи! Сколько затоптанных мнений!

Миг немоты непроснувшихся глаз  
Выстучит горестно ливень осенний.  
Верую, Господи, вспомнишь о нас  
В радужный, радостный День Воскресений!

Его противостояние советскому режиму было вдохновлено в первую очередь его религиозными убеждениями. Бородин описывал истоки своего внутреннего разрыва с советской идеологией таким образом: «Более оскорбительного слова, чем “революционер”, для нас, членов организации [ВСХСОН] в бытность её, не существовало. Мы были всего-навсего обычными русскими людьми, всерьёз озабоченными судьбой будущего страны и изъявившими готовность действовать во спасение тысячелетнего государства средствами, предложенными программой И. Огурцова. Слово “революционер” для нас было равнозначно слову “бес”, и никак иначе. Русские революционеры начала XX века были для нас бесами, одержимыми сатанинской идеей воплощения Царства Небесного на Земле исконно сатанинскими средствами» (Бородин 2013: 326).

Автобиографическое повествование Л. И. Бородина «Без выбора» вышло в свет в 2003 году в журнале «Москва» (№ 7–9) и одновременно отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия». Почти сразу же на это произведение отозвался яркой рецензией «“Без выбора”: неволя, нищета, счастье...» Юрий Кублановский (Новый мир, № 3, 2004). В ней поэт писал: «Исповедальное повествование Бородина “Без выбора” выгодно отличается от большинства нынешних мемуаров, высосанных порою из пальца, редкой своеобычностью судьбы автора, в позднесоветские сравнительно вегетарианские времена сполна хлебнувшего тюрем и лагерей. Тут другое качество души, отличное от расхожего, другая частота биения сердца, чем та, к которой мы обычно привыкли. Не для самоутверждения и самовыпячивания написана эта книга, но чтобы бескорыстно, чистосердечно (а порой и простосердечно) разобраться в себе самом... Ну кто нынче напишет о себе столь просто, так откровенно, без рисовки, но и без унижения паче гордости: что про себя думаю, то и говорю, — кто на это теперь способен?.. Неординарная спайка правдоискательства и солдатства и определила, по-моему, своеобычность личности Леонида Бородина. Ведь, как правило, правдоискатели — разгильдяи, а солдаты — служаки. У Бородина же всё по-другому» (Кублановский 2004: 167). Ю. Кублановский также удачно сформулировал смысловую доминанту этого повествования не только в парадоксальном образе автора как солдата-правдоискателя, но и в определении его особого взгляда на историю России: «Мирочувствование Бородина неотделимо от Родины, от *исторической отечественной мистерии*. На примере жизни его, так доверительно нам открытой, видим, что Родина не пустой звук, что любовь к ней — не фразёрство, не идеология, а формообразующая человеческую личность закваска, наполняющая жизнь высоким смыслом и содержанием. Смыслом, религиозно выводящим за грань эмпирического теплостудного бытия» (Кублановский 2004: 172) [выделено мной. — В. Д.]. Эти формулировки важны для понимания внутренних, духовно-экзистенциальных оснований философского осмысления истории Л. И. Бородиным. Можно определить их так: 1) это мышление одновременно и свободное, ищущее — и строгое и героическое; 2) в основе его лежат не рациональные конструкции ума (они уже создаются потом, как результат) — но высшее духовное постижение истины, всегда связанное с мистическим проникновением в «плоть» истории:

В этой дали — такой дальней,  
В этой сини — такой синей  
Мы, счастливые, отгадали  
Неотгаданный зов России!

Поэтическая строка Л. И. Бородина «Неотгаданный зов России» (Бородин 2018) стала названием одной из недавних подборок его стихотворений не случайно — это его формула постижения и России, и большой Истории в целом. Смысл её в том, что постижение это даётся как дар благодати Божией, для восприятия которой нужно подготовить своё сердце жертвенной любовью. Конечно, нужно и рациональное постижение, и оно также очень ярко у Л. Бородина — многие образцы его рациональных «формул» истории будут рассмотрены в этой статье — но это уже вторично. В основе постижения лежит тот род духовного познания, который он сформулировал в поэтических строках, взятых в качестве эпиграфа к этой статье. Вообще, у Л. Бородина его поэзия является внутренним камертоном его мысли, заостряя её до предела.

Задачей данного очерка не может быть анализ всех без исключения историософских идей Л. И. Бородина, высказанных в его книге, поскольку это также потребовало бы объёма целой книги с обширными комментариями и рефлексиями. Наверняка такая необходимая работа будет кем-то проделана в будущем. На данном этапе нам представляется важным сделать выборочный обзор и анализ тех тем и идей, которые позволяют понять мировоззрение Л. Бородина в целом — как в его главных содержательных моментах, так и с точки зрения его значимости для истории русской мысли.

В первую очередь стоит отметить ряд характеристик, которые уже были даны Л. И. Бородину как мыслителю некоторыми исследователями. Так, во вступительной статье к 7-томному собранию сочинений писателя Ю. Архипов смело характеризовал его как «константино-леонтьевской закалки публициста» (Архипов 2013: 7); поэтому «в иных обстоятельствах Бородин мог бы стать и философом уровня Константина Леонтьева» (Архипов 2013: 15). Это было обусловлено тем, что писатель как мыслитель представлял собой «оплот третьей правды — не красной ностальгии и не белоленточной оппозиции, а высокой православной Традиции, вырастающей из глубинных стремлений отечественной истории» (Архипов 2013: 11). Стоит добавить, что характеристика как «константино-леонтьевской закалки публициста» в данном случае вполне уместна не только мировоззренчески, но и стилистически, поскольку у Л. Бородина, как

у К. Н. Леонтьева, историческое мышление было основано не на заранее заданных схемах (чем всегда страдали русские философы с «немецкой выучкой») и явной слепотой к реальному содержанию и формам народной жизни), но в первую очередь на эстетическом, полнокровном проникновении в этот смысл, «пропуская его через себя», переживании его внутренне как личной трагедии и личной судьбы.

Ещё ранее, один из первых авторов, писавших о Л. И. Бородине, И. Г. Штокман удачно, на наш взгляд, сформулировал главную особенность художественного видения жизни писателем: «Он словно пытается очистить жуткие, фантомные ситуации от идеологических и социальных “наростов”, вернуть вещам и понятиям их изначальный и простой смысл» (Штокман 1995: 5). Эта формулировка прямо относится к тому, что сказано выше об особенностях исторического мышления Л. Бородина. Собственно, это был один и тот же метод — и в его прозе и поэзии, и в его историософских размышлениях. Не случайно поэзия Л. Бородина в настоящее время «открыта» читателями и в ней усматривают не только художественную ценность, но и сильные смысловые постижения в первую очередь смыслов русской истории — путём их напряжённого экзистенциального переживания. Можно метафорически сказать, что у Л. И. Бородина был экзистенциально-героический метод переживания и понимания истории. Это очень большая редкость в наше время и поэтому представляет собой большую ценность для русской культурной традиции. Такое переживание является не только эстетическим, но в первую очередь этическим, нравственным. По собственному признанию писателя, ему нужно было иметь «строгую и, может быть, даже сердитую любовь к своему народу» (Штокман 1995: 26). Это уже далеко не тривиальная любовь, но весьма мучительная, ответственная и рискованная.

Для понимания личностного, мировоззренческого и социального контекста историософии Л. И. Бородина весьма важно и одно размышление классика русской мысли XX века И. Р. Шафаревича из его предисловия к публикации сборника стихотворений писателя в 1992 году. Здесь он пишет в целом о диссидентском движении следующее: «У большинства из них были основания для горечи и озлобления — и часто даже не в виде личных своих претензий, а как бы от имени всего народа или вообще справедливости. Но сразу возникал вопрос: кому эти чувства адресовать? И ответы бывали разные. Один был таков: что претензии адресуются стране и народу. Здесь обычно прорывалось самое крайнее озлобление (а может быть, само озлобление и было исходным). Второй

ответ: протест адресуется режиму, а народ, конечно, жалко (более или менее — тут бывало по-разному), но ведь он и сам виноват. Была и третья позиция, где исходной ценностью была страна и народ — “Россия” как их собирательный образ в стихах Бородин. Чувство сыновности им вообще снимало проблему “претензий”, этот путь воспринимался как болезнь, которую надо в себе победить. Никто, по-моему, так ярко не выразил эту позицию, как Бородин» (Шафаревич 1992: 3).

И. Р. Шафаревич даёт здесь не только идейную классификацию диссидентского движения, но и её намного более важную экзистенциальную классификацию, которая до сих пор обычно остаётся не разъяснённой. Первый тип — это «классические» диссиденты откровенно русофобского направления, которых, к сожалению, большинство. Характерно, что в настоящее время этот тип тоже является главным, несмотря на то что СССР нет уже более 30 лет. Этот факт как раз очень хорошо показывает, что ненависть такого рода диссидентов относится не к режиму как таковому, но именно к России — постольку, поскольку она не удовлетворяет их требованиям стать марионеточной страной Запада. Естественно, что это ими скрывается, а на поверхность выносятся мифология о «несвободе».

Поэтому можно сказать, что Л. И. Бородину пришлось противостоять этому типу «диссидентов» — русофобов — даже принципиальнее, чем самому советскому режиму, поскольку они были врагами советского режима вовсе не по причине любви к России, а, наоборот, по причине ещё большей ненависти к ней. Все негативные стороны советского политического строя они приписывали самой же России как нечто «исконно русское». Это не столько обычное русофобское невежество (его-то легко было бы преодолеть при желании), но именно их духовная болезнь: ведь большинство из таких «диссидентов» были и прямыми потомками, и духовными детьми самых «пламенных большевиков». Их ненависть к России — это иррациональное чувство ненависти ко Христу и Его Церкви. В этом отношении Бородин был «диссидентом среди диссидентов» — так же, как и А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич, В. Н. Осипов и М. В. Назаров. Поэтому более точно и правильно было бы называть их всех не диссидентами, а русскими совестниками. Такой неологизм нам представляется удачным, поскольку происходит и от слова «совесть», и от слова «весть». В первом смысле он означает, что их противостояние советскому режиму было основано на христианской совести и, по сути, было мученичеством и подвижничеством, которые Господь вознаградит в вечной жизни.

Второй же смысл означает, что они были и вестниками будущего русского освобождения, то есть несли особое пророческое призвание.

Русофобско-«диссидентскую» среду Л. И. Бородин хорошо изобразил в повести «Расставание». В русской эмигрантской литературе было достаточно «разоблачений» этой среды, показавшей все её уродливые и безнравственные черты, но никто не смог показать её духовную порочность так глубоко, как это сделал Л. И. Бородин.

Стоит сказать и о втором типе, который упоминал И. Р. Шафаревич, — тех, кто обвинял режим, но не народ. Эта позиция двойственная и переходная: она может прийти и к русскому взгляду на историю, и впасть в русофобию. К русскому мировоззрению из такой позиции, например, по свидетельству самого Л. И. Бородина, в своё время пришёл В. Н. Осипов, начинавший как анархист (Бородин 2013: 122).

Позиция же, по определению И. Р. Шафаревича, основанная на «чувстве сыновности» по отношению к России, которое «вообще снимало проблему претензий» к стране и народу, была «третьей правдой», основанной на высшем православном понимании истории и души народа. Это понимание ярче всех, по утверждению И. Р. Шафаревича, выразил Л. И. Бородин. Русофобам эта позиция казалась якобы «некритической» — вследствие их чуждости и враждебности России, принципиального непонимания её на духовном и душевном уровне, и уже как следствие — их элементарного невежества в важнейших вопросах, на которых всегда основана русофобская мифология.

Характерный для них миф — это миф о том, что катастрофа 1917 года произошла как следствие некоего внутреннего «разложения» и негативных черт народа, его склонности к несвободе. В действительности же в России накануне 1917 года реальная свобода людей была выше, чем в Европе и США, чему есть масса свидетельств современников. В России люди вообще имели минимальный контакт с государством по сравнению с тотальностью государства на Западе. «Социальные лифты» при Николае II работали возможно лучше, чем где бы то ни было. Крестьянские дети — генералы А. Деникин (сын крепостного), Л. Корнилов и М. Алексеев (нач. Генштаба), классик мировой социологии профессор П. А. Сорокин — это всё примеры и символы народной царской России.

Революцию в России можно было начать, только объявив об «отречении царя» (ещё до того, как оно произошло, хотя было ли оно на самом деле, мы никогда достоверно не узнаем) — именно потому, что царь был для народа священным символом государства как такового. Без царя



государство Российское упразднялось автоматически в народном сознании — теперь на пустом месте можно было вытворять всё что угодно. Хотя людей, ненавидевших царя, в тогдашней России едва набрался бы и один процент, но именно они стали в итоге «творить историю». То есть реальные причины 1917 года во многом противоположны тем, о которых говорит русофобская мифология.

Тот факт, что «революция» произошла в условиях свободной жизни и постепенного улучшения всех её сфер, является самым наглядным опровержением так называемого материалистического понимания истории, которое само по себе является одним из средств одурманивания и манипуляции сознанием. Впрочем, все революции Нового времени, начиная с Английской, также происходили вследствие «улучшения жизни» и как следствие повышения притязаний и утраты понятий о долге и нравственности у некоторых групп населения, втягивавших затем в бойню всех остальных. Поэтому строгая историческая закономерность здесь имела место, но не столько материальная, сколько нравственная — все «революции» суть проявления человеческой гордыни и кара за неё. Об этой закономерности говорит Священное Писание в истории ветхозаветного народа. Именно там описаны подлинные законы истории, а не в фантазиях идеологов Нового времени. Но в Библии осуждать народ мог лишь Сам Бог через Своих пророков, людям это не дано. Идолопоклонство перед народом, которое изображают «революционеры», втайне презирая его, — такая же ложь, как и «претензии» к нему со стороны этих самозванцев. Народ нужно жертвенно любить без осуждения, как это делал Л. Бородин.

Все эти факты нетрудно обнаружить при самостоятельном изучении вполне доступных исторических источников, не поддаваясь внушению лживой пропаганды. Однако почему это удавалась сделать столь немногим людям? В первую очередь потому, что для этого нужно такое изначальное сыновнее отношение к России и переживание «исторической отечественной мистерии» (Ю. Кублановский), которое, к сожалению, есть не у многих. «“Россия” у Бородина — одна из тех сверхтонких категорий, которые можно выразить лишь в ряде формально друг другу противоречащих высказываний» (Шафаревич 1992: 4). Так писал И. Р. Шафаревич о его стихотворениях, но это в ещё большей степени касается и его исторических суждений: они также конкретны и часто противоречивы, поскольку охватывают всю полноту и сложность реальности. Цельность постижения существует только на уровне разума и духа, а на уровне частных суждений она неизбежно кажется противоречием. Это тоже в области

«третьей правды», которая требует «неэвклидова ума», и примеров этого мы приведём в данном тексте достаточно. Внутренняя же цельность постижения мира и истории в наследии Л. И. Бородина начинает изучаться исследователями — в качестве примера можно упомянуть статью Ю. А. Еремеевой «Духовные ориентиры Л. И. Бородин» (Еремеева 2019).

Уже в самом начале повествования Л. И. Бородин даёт очень ценную и показательную формулировку своего постижения истории, без которой нельзя понять и все последующие его рассуждения. Ему посчастливилось получить ещё в детстве своего рода «примордиальное», т. е. заданное уже изначально, самым воспитанием души, понимание и чувство России вечной: «Картину русской истории, ту, что началась в незапамятные времена, где-то с “царя Салтана”, трудно, но славно длилась тысячу лет, а в семнадцатом году только запнулась о колдобину накопившейся человеческой злобы — и, как говорится, рожей в грязь; да на то Божии дождики, чтобы отмываться и светлеть ликом более прежнего» (Бородин 2013: 9). Такое понимание было дано его бабушке — человеку ещё царской России, сохранившей в себе её дух и передавшей этот мир подлинной России внуку. Она не говорила «ни слова о Боге и ни слова о советской власти. Пока она была жива, мы существовали с ней вдвоём в несколько странном национальном поле, куда злоба или доброта дня длящегося не залетала. То было поле духа, единого национального духа, но, как понял много позднее, духа все же ущербного, ибо без высшей явности духа — Духа Свята; о Его присутствии в мире мне поведано не было. И эта ущербность воспитания так и осталась до конца не преодоленной» (Бородин 2013: 9). В этих двух формулировках — тот главный разлом в душе, который и определил всю внутреннюю трагедийность восприятия Л. Бородиным России и её истории: с одной стороны, дана полнота её вечного присутствия, непоругаемая никакими катастрофами; с другой — этот разлом в душе, отсутствие того самого главного смысла, на котором всё держится. Этот смысл нужно ещё найти, понять и защитить. На это и уйдёт вся жизнь — не теория только, а проживание смысла истории как своего личного.

Это стало возможным и удалось потому, что в душе изначально была возвращена ещё одна «примордиальность», данная навсегда и не подлежащая обсуждению. Автор сформулировал её парадоксально — для того, чтобы таким парадоксом до предела заострить смысл и перевести его в состояние сопереживания с читателем. Он сказал так: «Любви к Родине у меня не было, не могло быть, ибо в сознании вообще не существовало разделения на субъект-объект. Если б кто-нибудь спросил, люблю ли

я Родину, то, конечно, какой-нибудь ответ прозвучал бы, но сам вопрос остался бы непонятым по существу. Как можно любить или не любить то, чего крохотной, но всё же неотъемлемой частью являешься сам? Разве в любви дело? Дело в соответствии: если я плох (а я не сам по себе, я часть), то своей плохотой я уплошаю и всё, от чего неотрывен» (Бородин 2013: 9). Л. И. Бородин сформулировал очень важную вещь, о которой до сих пор, кажется, никто ещё не писал. Да, всякая «любовь к чему-то» предполагает уже отстранение и отчуждение как нечто первичное, а затем уже появляется любовь. Но если любовь изначально и разделения на объект и субъект нет, то не стоит, наверное, уже даже и употреблять это столь затёртое выражение. Особенно в нашу эпоху, уже получившую ироническое наименование «официального патриотизма».

Момент взросления для писателя состоял в том, что он осознал себя одним из тех «людей Страны Советов, всё ещё играющих (теперь уже определённо не всерьёз, а точнее сказать — играющих в поддавки) с когда-то на весь мир заявленной идеей “построения коммунизма” сперва сплошь и везде, а чуть позже в отдельно взятой» (Бородин 2013: 13). Как видим, он и здесь нисколько не отделяет себя от других, не мнит себя особо сознательным и свободным, как это свойственно «диссидентам». Нравственная позиция состоит в том, чтобы пережить общую судьбу — но так, чтобы она принесла тот плод свободы, на который не решились другие. То есть «положить душу за ближних своих» — не в метафорическом, а в буквальном смысле слова.

Такой духовный путь формирует особую «субстанцию» души, которую своим волчьим чутьём быстро улавливают те, кому она не по нутру, ибо они живут прямо противоположным образом — приспособляясь ко времени ради личных удобств и выгод. Поэтому он заметил: «Кто прочитал главные мои вещи, согласится, что нет в них никакого особого “обличительства”, “контры” и уж тем более политической чернухи. Но напечатанным не быть! Потому что всё мной написанное — написано в состоянии полной личной свободы, и это как-то опознаётся “специалистами” даже в текстах, не имеющих ни малейших политических акцентов» (Бородин 2013: 14). Как известно, в то время на «обличительстве» как раз многие и делали карьеру. Но дело в том, что всякое «обличительство» — это лишь приспособленчество к новому. На самом же деле в тогдашнюю «литературную среду» не допускались вовсе не «диссиденты» (наоборот, многие из них успевали сделать там карьеру), но именно те, кто писал в свободе, т. е. вообще без какой-либо связи с текущей эпохой — как бы сразу

в хронотопе вечности. Такие писатели были и среди официально признанных в советскую эпоху: например, К. Паустовский и Л. Леонов — но это были люди, воспитанные ещё до 1917 года. Им это позволялось, но никак не тем, кто обязан быть уже изначально «советским человеком». Как писатель Л. Бородин очень хорошо осознавал специфичность своего взгляда и своего места в истории — в стихотворных строчках он говорил о том, что нужно «за скобки вынести всё, что у нас от времени», и «в скобках тогда останется главная наша суть». Это взгляд на мир и историю *sub specie aeternitatis* — из той России вечной, которая была заложена ещё в его детское сознание. И именно на таком взгляде строится его историософия.

Смысл своего исторического бытия, т. е. своей жизни не как частного человека, а как человека в истории, Л. И. Бородин сформулировал чётко — он состоит «в борьбе именно с сатанинскими силами, замаскировавшимися под идеи всемирного коммунистического жизнеустройства, в христианском же понимании — разрушения бытия» (Бородин 2013: 92). Но вместе с этим писатель также констатировал факт, который требует глубокого осмысления, поскольку в нём кроется разгадка того, что произошло в XX веке: «Русские национально-государственной ориентации, составлявшие в общей массе политзэков ничтожное меньшинство, не выпадая из стихийно сложившихся микроколлективов, духовно тем не менее всё более и более обособлялись» (Бородин 2013: 123). Почему же так? Разве не русские были в первую очередь поработаны этими замаскировавшимися «сатанинскими» силами? Значит, они же первые и должны были бы им сопротивляться? А вместо этого мы видим парадокс: в позднем СССР радикально сопротивляются в первую очередь не русские, а, наоборот, по сути, враги России — националисты-сепаратисты и русофобы-«диссиденты». На самом деле объясняется это просто. Русские первыми приняли удар на себя, и их массовое сопротивление было подавлено намного раньше — ещё в 1920–1940-е годы. Поэтому к 1960–1970-м годам, когда в среду сопротивления режиму попал Л. И. Бородин, их там уже почти не осталось.

Однако собственно «русская тема» у Л. И. Бородина состоит не в этом, а в том вопросе, который в русской историософии XX века породил два противоположных ответа: «Главной темой определения был “русский коммунизм”. Проблема формулировалась приблизительно так: “русский коммунизм” (“большевизм”) — это “явление русского духа” (по Бердяеву и по Куняеву тоже) или только состояние его? Если последнее, то всё проще и легче, поскольку в “состояние” народный дух впадает в силу

тех или иных сложившихся обстоятельств и способен легко или нелегко “выйти из состояния”, обогащённый опытом избавления... Если же он, “русский коммунизм”, есть явление, то речь уже должна идти о некоем результативном продукте всего предыдущего исторического опыта народа — именно так трактовался “русский коммунизм” всеми виднейшими русофобами» (Бородин 2013: 356). Ответ Л. И. Бородина, естественно, состоит в том, что коммунизм навязан России силой и поэтому из предшествующего исторического опыта народа никак вытекать не может. Лучшие черты народа проявились в тех сферах, которые менее всего подлежали идеологическому контролю. Как пишет об этом Л. И. Бородин, «если и было в русском коммунизме нечто нерелективно идеальное, идущее от вековой русской тоски по добру и справедливости, то исключительно в песенном творчестве оно “осело” и обособилось» (Бородин 2013: 380). Сохранились эти лучшие черты и в характере конкретных людей — эта русская характерология также составляет одно из важных достоинств книги «Без выбора».

Однако во всём остальном Л. Бородин диагностирует «самоприговорённость коммунистического строя» (Бородин 2013: 71). Но будущее России его страшит не меньше, чем её трагическое прошлое. И вот почему: «И государство, уверен, рано или поздно мы отстроим, и экономику подравняем к мировому уровню, и территориальные проблемы так или иначе решим... Но останемся ли мы теми, кем были в истории, — русскими?» (Бородин 2013: 386). В основе той духовной катастрофы, которая произошла с народом в XX веке, лежит революционное сознание, которое изначально основано на ненависти и поэтому неизбежно в конце концов убивает в людях любовь к жизни, обрекая их на деградацию души и самоуничтожение. Поэтому он делает важнейший вывод: «Берусь категорически утверждать, что всякая идеологическая установка, хотя бы самым краешком близкая к революционной, в самом итоговом итоге своём противоестественна человеческому бытию, потому что рождён человек для созидания жизни и продолжения её посредством любви» (Бородин 2013: 374).

Л. И. Бородин рассказывает и о конкретных выражениях этой деградации людей, образы которой стоит сохранить для истории и её уроков: «На первом, пафосном этапе революции её вожди мечтали об обществе интернационалистов, обществе Иванов, не помнящих родства, но в итоге трансформации революционных идей получили общество Иванов, молчащих о родстве. Сколько из нынешних “большевиков” хвастались мне

(именно так!), что у них вся родовая выбита, и это хвастовство надо было понимать как некую супермудрость — дескать, что поделаешь, иначе бы не выстоять Великому государству... Подлинная социалистическая гражданственность — в том и суть, чтобы уметь обеими ногами стоять “на горле” собственных родственных чувств, и не просто стоять, но слегка приплясывать» (Бородин 2013: 361).

Но почему такое могло произойти с народом, который ещё совсем недавно был «богоносцем», то есть хранителем на земле истинной веры — православия? Л. И. Бородин явно много размышлял над этим самым главным вопросом русской истории XX века, и поэтому кроме ценных жизненных наблюдений формулирует и свой историософский вывод: «Марксизмом рационализированная хилиастическая раннехристианская ересь про построение Царства Небесного на земле, жестоким способом инспирированная в России, вынужденно переориентированная со всего человечества на “отдельно взятую”, она была обречена на разложение и крах с тяжкими для России последствиями. Русская “ересь жидовствующих”, отрицающих “трудную” мудрость христианской философии, повенчанная с либералистской идеей прогресса, породила в начале XX века тип реализатора химерической идеи достижения абсолютной социальной справедливости посредством физико-механического оперирования с социальными классами. По мере материализации идеи исполнитель-фанат самоуничтожался (именно так!) за ненужностью, оставляя после себя в остатке некий полупродукт — человека советского, будто бы являвшего собой некий высший этап человеческой эволюции, но пребывающего на длительной стадии становления, в помощь чему, собственно, и обоснован постоянный контроль за “становлением” по времени вплоть до всемирного торжества коммунизма, когда сам по себе исчезнет фактор дурного влияния со стороны “несозревшей” части человечества» (Бородин 2013: 359–360). Эта логика истории, для своего понимания требующая большой философской культуры, — это далеко не уровень «кухонных разговоров», дальше которых интеллигенция так и не пошла. Да, столь катастрофическое падение большей части народа в «бездну сатанинскую» объясняется именно тем, что в основе его лежит вовсе не наивная вера в «светлое будущее», но именно религиозные обман и соблазн. Это одержимость гордыни, которая хочет «переделать мир» под себя.

Не экономическое порабощение колхозами, но духовное порабощение народа оказалось самым страшным по своим последствиям — оно дало свои наиболее разрушительные результаты уже сейчас, когда СССР давно

уже нет. Это духовное рабство народа состояло в первую очередь в уничтожении православной веры и превращении народа в толпу без Бога и национальной памяти. И это духовное убийство народа, в свою очередь, привело его и к убеждению в собственной никчемности: «Нет ничего более чудовищного, чем хохот народа по поводу собственной несостоятельности. Но ведь даже формулу сочинили, что, дескать, пока мы способны смеяться над собой — мы живы. Неправда. То судороги поражённой проказой нигилизма гражданственности. То хохот полупокорников... Тот самый критический фактор, стимулятор миллионности тиражей и повальной увлечённости общества новинками отечественной литературы, он, этот фактор, по совокупности работал более на нигилизацию общества, нежели на мобилизацию гражданского сознания» (Бородин 2013: 375). Так называемая перестройка не могла ничего перестроить, потому что изначально состояла не в возвращении к подлинной России, а в оплёвывании самих себя. И её результат был закономерным.

Однако далеко не весь народ плыл по течению и лишь пассивно воспринимал производимые над ним идеологические манипуляции. Те, кого называли «диссидентами», были лишь «верхушкой айсберга», которая указывала на огромный невидимый слой ищущего народа, который всегда пытался вырваться из духовного рабства. Героическая молодёжь из ВХСОН, к которой принадлежал Л. И. Бородин, была выражением этой огромной молчащей массы народа, мучительно вспоминавшей свою русскость. Эта молодёжь искала и нашла ту истину подлинной России, которую не смог уничтожить СССР: «Тотальность марксизма, а точнее, социалистической идеи как таковой подталкивала на поиски “равнообъёмной” идеи, и когда в середине шестидесятых наткнулись на русскую философию рубежа веков, произошло наше радостное возвращение домой. В Россию. Что бы сегодня ни говорили обо всех этих “бердяевых”, сколь справедливо ни критиковали бы их — для нас “веховцы” послужили маяком на утерянном в тумане философских соблазнов родном берегу, ибо, только прибившись к нему, мы получили поначалу пусть только информацию... о подлинной земле обетованной — о вере, о христианстве, о Православии и о России-Руси... Это случилось только с теми, кому повезло в самом раннем детстве в той или иной форме получить весомый заряд национального чувства. В этом случае имело место счастливое возвращение» (Бородин 2013: 54).

С другой стороны, Л. И. Бородин вовсе не презирает и то «молчаливое большинство» народа, которое хотя и томилось в своём духовном рабстве, будучи озабочено лишь простым выживанием, но всё равно сумело



сохранить свою душу живую, способную к будущему возрождению. В качестве своего рода символа этого народа Л. И. Бородин увидел историю одной известной семьи. «Речь пойдёт о Михалковых — пишет он, — именно как о символе выживания в исключительно положительном значении этого многосмыслового слова» (Бородин 2013: 389). Это положительное значение слова он формулирует следующим образом: «Я произвольно и бездоказательно осмеливаюсь предположить, что беспримерная выживаемость клана Михалковых есть не что иное, как своеобразный сигнал-ориентир “непотопляемости” России, буде она при этом в самом что ни на есть дурном состоянии духа и плоти» (Бородин 2013: 392). В этом определении нет иронии, но лишь трезвое осознание того, что не всем дано быть героями, но и не все «выживающие» суть приспособленцы. В некоторые же эпохи, такие, как советская, именно эти «выживающие» и спасли народ как целое.

У христианских мыслителей есть одна важнейшая характерная черта — исторические катастрофы они всегда воспринимают не только как наказания народу, но и как его воспитание Богом, и даже как обетование его величия в будущем. Когда народ идёт на крест — это значит, Господь испытывает его для будущих свершений. И Л. И. Бородин пишет: «Я с удовольствием читаю многомудрые труды-рекомендации по выходу России из кризиса... Но в свободное от работы время подумываю: а стоит ли вообще “выходить из кризиса”? Что, может быть, наоборот — так “кризиснуть”, чтоб вдребезги полопались пружинки всего столь ладно отлаженного механизма давления на бедную Расеюшку, в результате этого давления утратившую к самой себе элементарнейшее уважение?» (Бородин 2013: 393). Христианское понимание и истории, и жизни вообще — это крест, Голгофа: «Аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, мног плод сотворит» (Ин. 12, 24). Такой же крестный путь должна пройти и Россия, чтобы воскреснуть.

С другой стороны, иногда Л. И. Бородин высказывает и своего рода «циничную правду» об истории. Например, он говорит: «В человеческой истории вообще работают только мифы народов о самих себе. В особенности в критические периоды» (Бородин 2013: 394). Конечно, миф может «сработать» только тогда, когда за ним стоит непоколебимая реальность. Но кто знает эту реальность в эпоху, когда всё стало предметом обмана и манипуляции? Когда даже профессиональные учёные лгут, подчиняясь своим предрассудкам? И тогда начинается война мифов, в которой побеждает более сильный миф. Для одних более сильным оказывается обман,



а для других — правда. Одни с самого начала склонны верить в ложь, которая им льстит, а другие ищут правду. Правда русской истории величественна, показывая величие народа, — но именно поэтому её пытаются замолчать и затоптать самой изощрённой ложью. Поэтому нужно создать наш, русский миф — такой, который будет очень трудно победить этой ложью, сколь бы хитра она ни была.

По отношению к современности Л. И. Бородин очень осторожен и не строит иллюзий. Он искал путь, на котором можно было бы победить наверняка. «Принято считать, — писал он, — что лучшая защита — это нападение. Увы!.. Теперь как раз всё наоборот: лучшее нападение — это защита. И тысячи других, кому смута стала благоприятной средой обитания, сбиваясь в стаи, отрабатывают новую стратегию сопротивления робким попыткам отстраивания государственного бытия — хоровое исполнение жалобливых текстов о грозowych тучах тоталитаризма, нацеленных пока ещё невидимыми стрелами сокрушительных молний на святая святых — на неприкасаемых, чью неприкасаемость торжественно и грозно гарантировало мировое прогрессивное мнение в лице нескольких совершеннейших авианосцев и банков-кредиторов» (Бородин 2013: 397). В этих условиях легко подавляется всякая активность русских сил. Поэтому у России оставался единственный выход: «сосредоточение» до лучших времен. И как мы видим по происходящим событиям, именно эта стратегия и принесла успех: это сосредоточение и внутренняя работа постепенно привели к возрождению государства, которое стало бороться за интересы России. Тем самым та стратегия временного смирения, о которой писал Л. И. Бородин и которая была общенародной в 1990-х, в конце концов оказалась правильной.

А в 1990-х власть захватил тип людей, воспитанных в СССР на тотальном цинизме. Именно это качество последних советских поколений и дало им временные преимущества. «Цинизм, — пишет Л. И. Бородин, — безответственная форма душевной свободы. Но именно люди этой породы оказались в итоге более подготовленными к смуте, ибо никакие принципы не связывали им руки. Не связывали до того, и они успешнее прочих сумели пробиться в информированные и властные структуры общества, и уж тем более — после того, когда рухнули всяческие преграды к инициативе самореализации <...> Циники составили, так сказать, материальный костяк либерального стана, где были, разумеется, и свои идеалисты, и свои “полезные идиоты”» (Бородин 2013: 129). Но за этим пусть и временным торжеством тотального

цинизма — прямого продолжения советского тотального цинизма эпохи 1970-1980-х — вставал самый фундаментальный вопрос: а сможет ли народ его преодолеть когда-нибудь вообще? «Только вот ведь в чём дело: народ русско-российский... Либо его уже нет как народа, а лишь население... Либо он ещё есть. Лично я надеюсь на последнее. И тогда восстановление государства Российского в соответствии с его величинами, и территориальными, и духовными, — этот процесс неизбежен» (Бородин 2013: 397).

В этом вопросе Л. И. Бородин также находил весьма парадоксальные исторические аналогии. Например: «В том далёком XVII веке что, какое событие следует посчитать за самое начало изживания маеты-смуты? Конечно, не ополчение Минина и Пожарского. То уже финал с “зачисткой” территории. И не воззвания Гермогена — то пока ещё всего лишь глас вопиющего... Началом духовного возрождения, как это ни покажется странным, была присяга русских людей чужеземному, польскому царевичу Владиславу, потому что это уже была присяга “по закону” (не в строго юридическом смысле, разумеется), в то время как прежде того беззаконие, “воровство” через самозванство измочало души русских людей» (Бородин 2013: 372). Вот, оказывается, каков настоящий исток возрождения — не поднявшаяся для победы рать (это уже итог и результат), а опять-таки народное смирение, заставившее присягнуть пусть и чужеземцу, но «по закону» — именно это и останавливало Смуту, что делало возможным дальнейшее освобождение. Совершенно аналогичную ситуацию, повторяющийся закон русской истории, Л. И. Бородин увидел и в нашей современности. Он писал: «Наши маститые социологи... пытаются успех В. Путина объяснить политическими кознями и махинациями бюрократии. Но как бы там ни было, тот факт, что бюрократия, то бишь “служивые люди”, и значительная часть народа проголосовала за совершенно определённый “образ”, как он был народу и бюрократии подан, — в том несомненное свидетельство начала изживания смуты. Пусть даже только самое-самое её начало» (Бородин 2013: 375). Прошло уже более 20 лет после написания Л. Бородиным этих слов, и они полностью подтвердились.

Кроме русской историософии, в книге Л. И. Бородина есть и много размышлений о закономерностях истории в целом, и о роли художественной литературы. Как он пишет, для него лично в ходе «врастания в православную традицию наклёвывалась, вылуплялась в сознании другая проблема: роль литературы вообще в радостях и бедах народных;

степень соотносимости литературного фантазирования с истинами национальной религии; анатомирующий момент литературного мышления и его взаимоотношение с синтезом бытия основной составляющей любой мировой религии» (Бородин 2013: 412). Своим творчеством Л. Бородин старался сделать литературу формой раскрытия народной души и восстановления народных святынь — то есть реализовать то высшее призвание литературы, которое всегда осознавалось русскими мыслителями. Ведь литература в России никогда не была всего лишь эстетическим развлечением, как она преимущественно рассматривается на Западе, — но всегда тяжёлой и ответственной духовной работой. Но с другой стороны, эта работа несла в себе и множество губительных соблазнов. В частности, «была посылка, что русская литература подготовила все прелести XX века в России. Посылка не без повода, что и говорить» (Бородин 2013: 412).

Так, например, В. Шаламов считал, что в катастрофах XX века во многом виновата классическая русская литература. «Опыт гуманистической русской литературы привёл к кровавым казням двадцатого столетия» (Шаламов 189: 3), — писал он. Однако В. Шаламов знал русскую литературу через призму советского её истолкования — в первую очередь как «гуманистическую» и «разоблачительную». Да, такая литература — от А. Радищева до антиправославных памфлетов Л. Толстого — действительно напрямую виновата в миллионах умученных в XX веке. Но это далеко не вся русская литература, а лишь маргинальная её часть. Подлинная же основа русской литературы — от переложения псалмов М. В. Ломоносовым до писателей-«деревенщиков» с её вершинами в позднем Пушкине, Достоевском и Лескове — была таким же выражением русской православной души, как и личности великих русских святых. Она всеми силами пыталась предотвратить Смуту XX века, но не смогла.

И наконец, вот важнейшее метафизическое размышление Л. Бородина о смысле и явной рискованности художественного творчества вообще: «Имею свою концепцию относительно творческого инстинкта человека вообще, усматривая в слове “творчество” намерение превзойти Творение Бога — в одном случае, уподобиться Творцу — в другом, “расшифровать” смысл Его творения — в третьем и т. д. Для подлинно воцерковлённого человека главная истина о мире — вся в нескольких текстах. Всё прочее он рассматривает как попытки (удачные или не очень) комментария и толкования Творения. Но он же, человек воцерковлённый, весьма иронически относится к тому ореолу чрезвычайности,

каковым извечно окружают себя люди художественного творчества, ибо гордость — то из арсенала совсем другого мирового персонажа... есть мнение, что культура как совокупность творческого продукта люциферична по определению. Для меня мучителен допуск такого суждения в сферу убеждений, но полностью игнорировать его я тоже не могу» (Бородин 2013: 413). Здесь Л. И. Бородин оставляет вопрос открытым и воздерживается от окончательных суждений. Этот вопрос о метафизике творчества — вопрос Н. А. Бердяева и многих других русских философов. Видимо, на самом деле этот вопрос и должен всегда оставаться открытым, поскольку он не только решается каждым лично, но решается не теоретически, а практически — самой своей судьбой. Тот, кто, подобно Л. И. Бородину, избрал судьбу жертвенную и сумел осуществить её до конца, — у тех творчество стало путём крестным и оправдано перед Богом.

Есть у писателя и размышления о конечных судьбах мира сего. Они также тесно связаны с конкретными жизненными наблюдениями. Вот, например, он пишет: «Девушки-мутантки, по десять часов отсиживающие в магазинах, кафе, парикмахерских, — они сжились, срослись с ритмами племён, остановившихся в своём музыкальном развитии со времён каменного века. Ритмы века каменного удивительнейшим образом совпали с ритмами машинной цивилизации и теперь успешно взламывают хребты национальной биоритмики, и каковы будут чисто генетические последствия этой агрессии “музыкального неолита” — о том думать уныло» (Бородин 2013: 383). Здесь современная поп-музыка видится как символ и инструмент гибели христианской культуры и превращения человека в «биоавтомат». Но в своём обобщении Л. Бородин идёт ещё дальше: «Я готов предположить, что не героин и ЛСД уничтожает человечество, но именно эти, пришедшие с западной стороны афро-американские ритмы — именно они готовят всё прочее человечество к подчинению иному духу» (Бородин 2013: 386). Дух антихристов уже овладел западной цивилизацией, и она агрессивно навязывает его всему остальному миру, в том числе и России. Но пока Россия остаётся Катехоном — «удерживающим» мир от прихода Антихриста, жизнь каждого русского православного человека уже сама по себе становится подвигом.

Все кратко рассмотренные здесь размышления Л. Бородина о русской и мировой истории — хрестоматийны для православной философии, но, увы, очень далеки от приземлённого уровня мышления современного человека. Поэтому особенно ценно их выражение не в форме философского

трактата, а через призму индивидуальной судьбы — как того, что было выстрадано, а не «вычитано» из книг. Именно такое изложение мировоззрения убеждает.

Отдельно стоит отметить у Л. И. Бородина и ту «всеотзывчивость» к мировой культуре, о которой говорил Достоевский как об особой черте русского духа и ума. Судьбу России в рамках всей мировой истории он обнаружил, словно в зеркальном её отражении, в судьбе Армении, в её выстраданных идеалах. Писатель признаётся, что «у армянского поэта А. Туманяна обнаружил строки, которые не просто запомнились, не просто запали в душу, но стали как бы рефреном-критерием» (Бородин 2013: 429). Вот они:

Устала мысль от дел и бед мирских.  
Но, в бесконечность устремляя взор,  
Я каждый раз оглядываюсь с болью,  
Когда услышу голоса страданий  
Моей страны <...>  
И вижу: с Запада  
Бездушной чёрной тучей,  
Рождённые в трясилах суеты,  
Рабы машин и золота рабы  
К Божественной душе моей отчизны  
Крадутся и теснятся хищной стаей,  
Толпою ненасытных людоедов.  
И одеваются долины в траур.  
И только горькие и плачущие песни  
Среди развалин  
И вытоптанной ложью  
Традиций и обычаев народа.  
Но в светлый день рассвета и возврата  
.....  
Тысяча тысяч нимбоносных душ  
Нам возвестят улыбками надежды  
О возрождении души моей страны.

«О возрождении души моей страны» — это как раз то, о чём всегда писал Л. И. Бородин. Это та самая глубинная мысль, которой он жил.

И совершенно удивительна мысль Л. И. Бородина о неизбежности духовного возрождения России — удивительна она тем, что основана не на выкладках рационального порядка, а на художественных прозрениях: и собственных, и прозрениях гениев русской литературы. Очень важно в этом отношении его стихотворение «Алёша Карамазов» как «исповедание веры» в Россию:

Наступит день...  
пусть будет он не сразу...  
Я с этим днём все думы примирил!  
В наш мир придёт Алёша Карамазов!  
Его нам русский гений подарил!

Придёт как совесть новых поколений,  
Как искупление — молодая Русь!  
И вместе с ним я встану на колени  
И за отцов и дедов помолюсь!

Могил российских не окинуть глазом!  
Сушить нам слёзы — не пересушить!  
Но если жив Алёша Карамазов,  
То как же Родине моей не жить!

Постижение истории у Л. И. Бородина было не абстрактной мыслью, а экзистенциальным усилием. Но ведь сам Л. И. Бородин и был таким Алёшей Карамазовым, но родившимся уже в другую эпоху, с другой судьбой и другими испытаниями. Эти испытания он с честью выдержал и сложил свою судьбу в образец для всех последующих поколений. И его историческая мысль была рождена и выстрадана этой судьбой. Поэтому она сумела продолжить мысль великих русских философов, конгениальная им и взошедшая до их уровня. И у него будут учиться этому новые поколения России.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Архипов Ю. Живая правда Леонида Бородина // Собр. соч. в 7 т. / Л. И. Бородин. — М. : Изд. журнала «Москва», 2013. — Т. 1. — С. 5–22.
- Бородин Л. И. Без выбора // Собр. соч. в 7 т. — М. : Изд. журнала «Москва», 2013. — Т. 6. — С. 5–430.
- Бородин Л. Неотгаданный зов России: стихи // Москва. — 2018. — № 4. — С. 3–13.
- Еремеева Ю. А. Духовные ориентиры Л. И. Бородина // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. — 2019. — № 2 (20). — С. 1–7.
- Кублановский Ю. «Без выбора»: неволя, нищета, счастье... // Новый мир. — 2004. — № 3. — С. 167–172.
- Шаламов В. «Новая проза». Из черновых записей 70-х годов // Новый мир. — 1989. — № 12. — С. 3–70.
- Шафаревич И. Р. «Я сын Руси с её грехами и благодатями её...» // Изломы (Стихотворения) / Л. Бородин. — М. : Русло, 1992. — С. 3–4.
- Штокман И. Г. Слово и судьба (проза Леонида Бородина) // Третья правда / Л. И. Бородин. — М. : Синергия, 1995. — С. 5–26.

### *Сведения об авторе:*

**Даренский Виталий Юрьевич** — доктор философских наук, профессор кафедры журналистики Луганского государственного педагогического университета, 291031, Россия, Луганск, ул. Оборонная, 2, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

### *Конфликт интересов:*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 07.02.2023.



**V. Yu. Darenskiy**

LUGANSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY,  
LUGANSK, RUSSIA

# Historiosophical reflections by Leonid Borodin in his autobiographical narrative “Without a choice”

**Abstract.** The article examines Leonid Borodin’s historiosophical ideas stated in his autobiographical narrative “Without a choice”. It is shown that according to Leonid Borodin, the comprehension of the Russian history and the world history meaning was an existential effort rather than an abstract thought. Leonid Borodin’s historiosophical thought was hard won through his personal spiritual searches and coming to Orthodoxy. Therefore, it continued the tradition of the great Russian philosophers by becoming congenial to them and having risen up to their level. The spiritual logic of history, which requires spiritual and philosophical culture for its fundamental understanding, was discovered by Leonid Borodin thanks to the restoration of connection with the Russian philosophy of the Silver Age. The catastrophic lapse of a large portion of the people into the “satanic abyss” in the twentieth century can be explained precisely by the fact that it was basically caused by a religious deception and temptation rather than by a naive belief in the bright future. Namely, this is the obsession with pride, which does its best to “rebuild the world”. The internal spiritual and existential foundations of the philosophical understanding of the history by Leonid Borodin are also featured here. These are: 1) the thinking — free and seeking — and at the same time strict and heroic; 2) it is based on the highest

spiritual comprehension of the truth, always associated with the mystical penetration into the flesh of history rather than on rational constructions of the mind (they are set up later as a result). Leonid Borodin had to resist this type of “dissidents” — Russophobes — even more fundamentally than the Soviet regime itself, since they became enemies of the Soviet regime not because of love for Russia, but, on the contrary, because of hatred for the country rather than for the regime. Leonid Borodin’s, just like Konstantin Leontiev’s, historical thinking was based not on some predefined schemes, but, first of all, on the aesthetic, full-blooded penetration into this meaning, “letting it pass through yourself”, experiencing it internally as a personal tragedy and personal fate, through which both the fate of the people in the twentieth century and the Christian meaning of the Russian history in general became clear.

**Keywords:** Leonid Borodin, “Without a choice”, historiosophy, Russia, Orthodoxy, XX century

**For citation:** Darenskiy, V. Yu. (2023). Historiosophical reflections by Leonid Borodin in his autobiographical narrative “Without a choice”. *Orthodoxia*, (1), 32–57. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-32-57

## REFERENCES:

Arkhipov, Iu. (2013). Zhivaia pravda Leonida Borodina [The Living Truth of Leonid Borodin]. In *Collected works in 7 volumes (Vol 1, pp. 5–22)*. Moscow: Izd. zhurnala “Moskva”. [In Russian].

Borodin, L. (2018). Neotgadannyi zov Rossii: stikhi [Ungessed Call of Russia. Poems]. *Moskva*, 4, 3–13. [In Russian].

Borodin, L. I. (2013). Bez vybora [Without a choice]. In *Collected works in 7 volumes (Vol 6, pp. 5–430)*. Moscow: Izd. zhurnala “Moskva”. [In Russian].

Eremeeva, Iu. A. (2019). Dukhovnye orientiry L. I. Borodina [Spiritual Guidelines of L. I. Borodin]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo*, 20(2), 1–7. [In Russian].

Kublanovsky, Iu. (2004). “Bez vybora”: nevolia, nishcheta, schast’e... [“Without a choice”: Captivity, Poverty, Happiness...]. *Novyi mir*, 3, 167–172. [In Russian].

Shafarevich, I. R. (1992). "Ja syn Rusi s ee grekhami i blagodatiami ee..." ["I am the Son of Rus' with its Sins and its Graces..."]. In *Izlomy (Stikhotvoreniia) [Kinks (Poems)]* (pp. 3–4). Moscow: Ruslo. [In Russian].

Shalamov, V. (1989). "Novaia proza". *Iz chernovykh zapisei 70-kh godov* [New Prose. From Draft Notes of the 70s]. *Novyi mir*, 12, 3–70. [In Russian].

Shtokman, I. G. (1995). *Slovo i sud'ba* (proza Leonida Borodina) [Word and Fate (Leonid Borodin's Prose)]. In *Tret'ia pravda* [Third Truth] (pp. 5-26). Moscow: Sinergiia. [In Russian].

*About the author:*

**Vitaliy Yurievich Darenskiy** — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Journalism, Lugansk State Pedagogical University, 2, Oboronnaya str., Lugansk, Russia, 291031, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

*Conflict of interest:*

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 12.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 07.02.2023.